

СЕРАВИН Александр Игоревич – кандидат политических наук, исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; electoral.politic@gmail.com); Researcher ID (Web of Science) – KIE-5295-2024; SPIN (РИНЦ) 7136-4463

ТЕХНОЛОГИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ: КТО И ЗАЧЕМ КОНСТРУИРУЕТ «ДУХ СЕТЕЙ»?

Аннотация. Целью исследования видится критический анализ цифрового дискурса как новой идеологической формы, которая легитимирует структурные трансформации капитализма в эпоху его постиндустриальной, сетевой стадии. Задачи исследования заключаются в раскрытии идеологических оснований цифрового дискурса и его роли в легитимации неолиберальной констелляции власти; анализе трансформации технологического дискурса от модерна к постмодерну и его связи со сменой «духа капитализма»; выявлении ключевых тематик и характеристик цифрового дискурса (гибкость, децентрализация, саморегуляция) и их двойственного социального смысла. Методы исследования основаны на подходах критической социальной теории и дискурс-анализа. В работе применяется критический анализ дискурса для изучения публичных нарративов о сетевых технологиях как социальной практики, идеологическая критика для вскрытия механизмов, с помощью которых технологический дискурс маскирует отношения власти и господства, сравнительно-исторический анализ для сопоставления технологического дискурса индустриальной и постиндустриальной эпох. Новизна исследования заключается в синтезе критической теории капитализма (Бурдьё, Хабермас, Бауман) с анализом конкретных языковых практик цифровой эпохи. Статья предлагает целостный взгляд на цифровой дискурс не как на простое описание технологических изменений, а как на активный фактор социально-экономической трансформации, выявляя его ключевую роль в обосновании перехода от социал-демократии к неолиберализму. Автор вводит и обосновывает концепт «духа сетей» как новой легитимирующей формулы капитализма. **Ключевые слова:** цифровой дискурс, сетевые технологии, идеология, легитимация, сетевой капитализм, постиндустриальное общество

Переход капитализма в постиндустриальную фазу сопровождался глубокими изменениями, которые затронули не только экономический базис (сам режим накопления, организация и география производства), но и всю систему социального регулирования, породив новые политические институты и культурные нормы. Эта масштабная трансформация нашла свое выражение в таких феноменах, как глобализация, становление «новой экономики», рост таких корпораций, как *Meta*, *Google* и пр.¹, распространение аутсорсинга и методов производства «точно в срок», а также экономический подъем, в частности Индии.

Движущей силой этих изменений стали новые технологии, которые фактически создали новое общество. Глобализация реализуется через глобальные коммуникационные сети, а «новая экономика» основывается на предприятиях и продуктах, ценность которых определяется информацией. Такие бизнес-модели, как у *Google*, стали ее символом, а такие практики, как аутсорсинг и производство «точно и в срок», были бы невозможными без сетевых технологий.

Как отмечает М. Фридман, сетевая технология служит не только концептуальным каркасом для понимания этих процессов, но и активным агентом, пронизывающим социальную динамику [Friedman 2000]. Дискурс о техноло-

¹ Признаны в России нежелательными организациями, иноагентами.

гиях здесь — не просто риторика, а отражение цифровой реальности: утверждения о гибкости и интерактивности сетей являются констатацией факта. Этот дискурс поучителен, поскольку он напрямую описывает функционирование общества, где, например, технологическая гибкость порождает гибкость экономическую.

Современное сетевое общество сформировалось под влиянием не только экономических и технологических факторов, но и глубоких идеологических сдвигов. Идеологическая функция технологий проявляется на всех уровнях социальной жизни: в культурном пространстве, где технические устройства и инженерные прорывы преподносятся как триумф человеческого гения, и в политической сфере, где инструментальная логика и технические средства вытесняют содержательные дискуссии о целях.

Однако, помимо этой общей критики технологического детерминизма, существуют конкретные формы технологического дискурса, имеющие историческую и социальную обусловленность. Таким образом, будучи идеологически нагруженным, этот дискурс обретает свое конкретное содержание и роль в зависимости от социального контекста и по-разному встраивается в политическую культуру.

В индустриальную эпоху технологическая риторика служила оправданию интервенционистского государства всеобщего благосостояния, централизованного планирования, иерархических корпораций и системы пожизненного найма. В противовес этому, в современном постфордистском обществе тот же дискурс легитимирует отказ государства от регулирования рынков, глобализацию, децентрализацию бизнес-структур и гибкость производства [Болтански, Кьяпелло 2011]. Эта новая идеология технологий знаменует собой трансформацию «духа капитализма» [Вебер 2023]: если ранее он обещал коллективное социальное освобождение через сокращение эксплуатации, то сегодня, в постиндустриальную «эпоху сетей», он сместил акцент на индивидуальную свободу, достигаемую за счет преодоления отчуждения.

С приходом постиндустриализма и повсеместным внедрением сетевых технологий технологический дискурс стал инструментом легитимации новой социальной модели. Эта модель, по замыслу, должна давать ответ на гуманистическую критику капитализма, в то же время оставляя без внимания его социально-экономическую критику. Такие явления, как Интернет, гибкие и децентрализованные корпорации, а также новые формы занятости и производства, преподносятся в рамках «цифрового дискурса» как решение проблем, поднятых гуманистами, например вопросов личностного роста, аутентичности и творчества, призванное уменьшить ощущение отчуждения у человека [Дзарасов 2024].

Этот новый идеологический нарратив формируется вокруг четырех ключевых направлений, находящихся на стыке сетевых технологий и современного капитализма: рынка, труда, производства и нового образа «человека будущего».

Что касается рынка, цифровой дискурс рисует картину его трансформации: благодаря интеграции в сети он становится более плавным, рациональным и саморегулирующимся, не требующим политического вмешательства. Взамен эта новая среда, характеризующаяся хаотичностью и нестабильностью, требует от всех ее участников — как людей, так и компаний — максимальной гибкости и адаптивности. Эти рассказы о «сетевом рынке» являются идеологическим обоснованием перехода от классического либерализма к неолиберализму. На практике этот дискурс оправдывает тенденцию, при которой рынки стано-

вятся все более автономными от общества и начинают рассматриваться не просто как экономический механизм, а как универсальный инструмент для управления общественными потребностями и социальным воспроизводством [Фишман 2020].

Трансформация системы производства

Сетевые технологии меняют не только рынки, но и саму систему производства. Стирание границ между человеком и технологиями, особенно с использованием искусственного интеллекта, открывает новые возможности: взаимодействие с техникой становится более осмысленным, освобождающим и интуитивным. Это раскрывает человеческий потенциал – интеллектуальный, психологический и коммуникативный.

В результате формируется новый тип « сетевого человека » – эмансипированная версия прежнего « человека индустриального ». Если раньше работник был подчинен логике машин и использовал в основном физические и практические навыки, то теперь он активно взаимодействует с технологиями, применяя свои умственные способности для сетевого производства.

Политическая культура сетевого капитализма.

Все эти изменения в совокупности формируют « новый дух сетей » – идеологию, которая оправдывает новую расстановку сил в постиндустриальном обществе. Его ключевые проявления включают:

- отказ государства от активной роли в планировании, регулировании экономики и обеспечении социальных гарантий;
- переход к глобализованному рынку: от национальной, протекционистской экономики к единому и нерегулируемому рыночному пространству;
- « приватизация » труда: исчезновение традиционного рабочего класса как значимой социальной категории и рост нестабильной, гибкой занятости;
- дезорганизация (оторванность) рынков от общества по Карлу Поланьи – изоляция экономики от процессов демократического принятия решений [Поланьи 2002];
- новые производственные отношения: децентрализованные и менее иерархичные, но при этом устанавливающие новый дисциплинарный режим;
- технократический и бесконфликтный политический дискурс, который провозглашает общество бесклассовым и лишенным антагонизмов;
- деполитизация экономики: ключевые общественные вопросы представляются как сугубо технические, требующие не политической воли, а технологических и инструментальных решений.

Таким образом, этот новый « дух сетей » легитимирует масштабный сдвиг власти, при котором экономика становится все более автономной от социальных и демократических институтов.

Новые реалии сетевого общества – рынков, труда, производства и самого человека – укоренены в фундаментальных свойствах сетевых технологий: гибкости, адаптивности, децентрализации, саморегуляции и индивидуализации. Эти принципы представляют собой подлинную технологическую (а следовательно, и социальную) революцию в ее изначальном смысле – как возвращение к изначальным, « естественным » основам мироздания. Данная картина намеренно выстроена в резком противостоянии с индустриальными технологиями, которые, напротив, символизировали разрыв с природой [Weber 1978].

Однако « дух сетей » – это не просто дискурс, предлагающий решить проблемы индустриальной эпохи (отчуждение, централизация, экологический

кризис) с помощью новых технологий. Это нечто большее: всеобъемлющий нарратив о нашей позднекапиталистической цивилизации, о самом человеческом состоянии и обществе, достигшем «конца истории» (Ф. Фукуяма). Являясь краеугольным камнем политической культуры развитых обществ, этот цифровой дискурс знаменует собой радикальную трансформацию технополитики на пути от модерна к постмодерну.

Если главным политическим метанарративом эпохи модерна и государства всеобщего благосостояния было обещание прогресса и освобождения, то в постмодерне политическое действие было переосмыслено как необходимость подчинения неизбежному – стихийным силам глобального рынка и технологической детерминации [Болтански, Кьяпелло 2011].

Современная политика утрачивает функцию управления социальными проектами и все больше сводится к деконструкции государства. Этот процесс несет в себе глобальные риски – не только снижение управляемости, но и утрату государственного суверенитета в полном смысле этого слова. В данном контексте цифровой дискурс предлагает новый технологический метанарратив эпохи постмодерна, который радикально отличается от проекта модерна.

Если в эпоху модерна технологический дискурс был утопией планирования, контроля и проактивного вмешательства, видевшей в технологиях ось для построения «общества будущего», то новый метанарратив постмодерна делает акцент на гибкости, адаптивности и реактивности.

Социальная революция сетевых технологий обусловлена не только их инструментальной мощью, но и их дискурсивной силой. Именно язык, описывающий эти технологии, стал ключевым элементом, легитимирующим трансформацию развитых капиталистических обществ.

В рамках цифрового дискурса сетевые технологии преподносятся как осевой фактор, разрешающий системные противоречия индустриализма:

- для рынка – создание свободного, глобального и саморегулируемого рынка, преодолевающего ограничения со стороны интервенционистских государств;

- для экономики – мобилизация информации и сетей как новых производительных сил для преодоления стагнации;

- для организации труда – деиерархизация и децентрализация рабочего пространства, устраняющая бюрократию и классовые конфликты;

- для человека – превращение труда в творческий, кооперативный и приносящий личное удовлетворение процесс, тем самым преодолевающий отчуждение.

Однако эту техносотциальную констелляцию (сильный рынок, слабое государство, приватизированная социальная сфера) следует воспринимать не как безальтернативную вершину прогресса, а как системный вызов, бросаемый как государству, так и обществу в целом.

Роль сетевых технологий в современном обществе не сводится лишь к их материальному воздействию; они представляют собой и его идеологический фундамент. Технологический дискурс – это не пассивное отражение реальности, а активная сила, участвующая в ее конструировании, и поэтому он является самостоятельным объектом для критического анализа.

Цифровой дискурс, будучи публичным, помещает сетевые технологии в центр эмансипационных социальных преобразований. Эта концепция была разработана в рамках таких теоретических направлений, как постиндустриализм, постмодернизм и постгуманизм, и легла в основу медиаисследований, а позднее – и киберисследований [Webster 2005].

Доминирующий подход в этой области можно охарактеризовать как технологический детерминизм [Robins, Webster 1985]. Он базируется на трех ключевых допущениях:

1) нейтральность (технологии считаются асоциальной силой, развивающейся по своей внутренней логике и находящейся вне борьбы за социальную власть);

2) неизбежность (технологии детерминируют облик общества, перестраивая его в соответствии со своей собственной логикой);

3) благожелательность (технический прогресс отождествляется с прогрессом человечества как неоспоримое благо).

Таким образом, дискурс о технологиях не просто фиксирует их центральную роль в жизни общества; он обеспечивает эту роль и активно участвует в социальном функционировании. С этой точки зрения технологический дискурс рассматривается как форма «проекции» [Hefferman 2000] или «технологического видения» [Sturken, Thomas 2004], через призму которого осмысливаются и реализуются политические, экономические и социальные трансформации.

Сама идея технологии приобретает в современном обществе определяющее значение, становясь точкой отсчета и мерилем развития всех других социальных сфер. Технология превращается в «одновременно средство и цель, инструмент прогресса, но также и его воплощение» [Robins, Webster 1985: 151]. Можно утверждать, что с наступлением эпохи модерна технология стала не только материальной основой общества, но и, по сути, его социальной и идеологической моделью [Segal 1994: 3].

Более того, технология функционирует как «идеологический инструмент, мистифицирующий механизмы власти и господства» [Best, Kellner 2000] и является «одним из основных источников публичной власти», чье алиби часто используется для оправдания реальных отношений власти [Feenberg 1995]. Одну из самых влиятельных теорий идеологических функций технологического дискурса предложил Юрген Хабермас. Он указывает на подмену содержательных политических дебатов, основанных на коммуникативной рациональности, техническими дискуссиями, сфокусированными на инструментальной эффективности [Хабермас 2006].

В результате политическая практика начинает оцениваться не с точки зрения целей и ценностей, а исключительно через призму решения технических задач. Роль политики сводится к поиску оптимальных средств достижения целей (таких, как экономический рост), которые объявляются внеполитическими [Хабермас 2006: 45]. Таким образом, технологический дискурс становится идеологическим именно тогда, когда политические вопросы маскируются под технические: социальные противоречия «снимаются» через сужение сферы политического, что позволяет инструментальной логике пронизывать всю публичную сферу.

В постиндустриальную эпоху сложилась новая расстановка сил в треугольнике «труд — капитал — государство», где капитал приобретает растущую независимость как от труда, так и от государства. Это фактически привело к распаду фордистского общественного договора. Капитал стал более мобильным, глобальным и свободным от территориальной привязки, что ослабило позиции труда. Государство, в свою очередь, утратило значительную часть инструментов контроля над капиталом, функционирующим в условиях глобального свободного рынка, и вынуждено было принять логику самоограничения через дерегуляцию, приватизацию и сокращение своего влияния.

Преобразования в рамках этого нового режима капиталистического накопления затрагивают не только экономику и сферу труда, но и вызывают перестройку социальных, культурных, художественных, научных, эмоциональных, политических и повседневных практик. В результате доминирующая политическая культура развитых капиталистических обществ сместилась от социал-демократической модели к неолиберальной.

Таким образом, цифровой дискурс необходимо рассматривать именно в этом широком контексте — не только как отражение технологической эволюции (от механических и централизованных промышленных технологий к цифровым и сетевым) и не только как следствие трансформации капитализма (от индустриальной к постмодернистской фазе), но и как элемент идеологических изменений в понимании общественного развития, сопровождающих эти процессы.

Формирование новой стадии капитализма сопровождается не только структурными и технологическими сдвигами, но и изменением идеологической роли технологического дискурса. В контексте гибкого режима накопления, глобализации, неолиберальной политики, дерегуляции, приватизации и сворачивания социальных программ технологический дискурс перестал служить обоснованию интервенционистского государства, централизованного планирования, иерархических корпораций и системы пожизненного найма. Вместо этого он стал инструментом легитимации ухода государства из экономики, глобализации рынков, децентрализации бизнес-структур и утверждения сверхгибких форм производства и занятости.

Между социальной структурой капитализма и действиями акторов существует смысловое пространство. Сложившаяся конфигурация капитализма побуждает акторов активно вовлекаться в капиталистические практики и добросовестно исполнять предписанные им социальные роли. Она создает систему координат, в рамках которой повседневные действия по воспроизводству общества наполняются субъективным значением. Эта смысловая наполненность, в свою очередь, обеспечивает капитализму легитимность и социальную устойчивость.

В академических исследованиях современный технологический дискурс нередко интерпретируется как ложный, утопический или мифологический. Например, Т. Фрэнк характеризует информационные технологии как «мощнейшее символическое оружие в арсенале рыночного популизма», подчеркивая, что Интернет, в частности, стал «своего рода универсальным подтверждением принципов рыночного популизма» [Frank 2000: 79].

Современный технологический нарратив представляет собой идеологическое обоснование свободного рынка, где цифровые сети провозглашаются путем к его окончательному воплощению — системе электронного обмена, дающей каждому возможность стать равноправным участником рыночных отношений.

Вместо оценки истинности утверждений цифрового дискурса важнее осмыслить конкретные вызовы современности, понять историческую специфику этой дискурсивной формы и оценить социальные риски, связанные с ее легитимирующей функцией. Рассмотрение цифрового дискурса как самостоятельной аналитической единицы — не просто отражения, а активного элемента социальной реальности — позволяет раскрыть его уникальную природу. Такой анализ выявляет двойственную сущность современного технологического нарратива: с одной стороны, он обещает преодоление отчуждения через интеграцию капитализма и сетевых технологий, с другой — маскирует

и деполитизирует сохранение и даже усиление эксплуататорских механизмов системы.

Таким образом, цифровой дискурс представляет собой не просто описание реалий сетевого капитализма, но и инструмент легитимации – через «технологическую» призму – новых конфигураций власти, обусловленных текущей стадией развития капиталистических отношений.

Сетевые технологии рассматриваются как явление, парадигмально отличное от всех предыдущих технологических систем, что и обусловливает их преобразующее социальное воздействие. Общая тональность цифрового дискурса при описании этих изменений колеблется от оптимистичной до эйфорической. Хотя он и признает существующие проблемы, общий вектор развития представляется безусловно прогрессивным, а решение любых затруднений, как правило, возлагается на последующие технологические усовершенствования.

Базовые элементы цифровой культуры – ее герои (например, *IT*-предприниматели), артефакты (гаджеты, платформы) и институты (крупные технологические корпорации) прочно вошли в ткань массовой культуры.

Л. Чулиаракис и Ф. Фэйрклоу подчеркивают важность изучения дискурса в рамках критической социальной науки, особенно в современных политико-экономических условиях [Chouliaraki, Fairclough 1999]. Глобальные и чрезвычайно сложные социальные изменения, по их мнению, усиливают чувство беспомощности и непонимания у людей. Социальные формы, которые создаются людьми и могут быть ими же изменены, начинают восприниматься как нечто естественное и неизбежное. Именно здесь аналитическая категория дискурса становится критически важной, поскольку она раскрывает взаимную связь дискурса и социальной практики.

П. Бурдьё отмечает, что понятие «гибкости», центральное для неолиберального дискурса, не только отражает реальность глобального капитализма, но и активно формирует ее [Bourdieu 1998]. Социальные силы, такие как банки, заинтересованные в усилении этой реальности, используют «дискурс гибкости» в качестве символического ресурса для достижения своих целей [Chouliaraki, Fairclough 1999: 4].

Процесс маркетизации приводит к усилению влияния рыночных механизмов на все сферы общественной жизни. Рынки приобретают все большую автономию от государства через дерегулирование и глобализацию, при этом государство не только прекращает активное вмешательство в рыночные процессы, но и отказывается от своей роли собственника ключевых активов.

Следствием маркетизации становится дезорганизация – переход к более «текучей» [Бауман 2019], хаотичной и сложной социальной реальности. Глобализация финансовых рынков повышает мобильность капитала, что усиливает волатильность локальных рынков [Harvey 2005]. Производственные системы становятся гибкими, постоянно адаптируясь к рыночным колебаниям, а циклы производства и потребления ускоряются. Организационная структура компаний трансформируется от вертикальных иерархий к горизонтальным сетевым моделям [Sennet 2006].

Цифровой дискурс, используя технологическую рамку, легитимирует эту тенденцию, представляя автономизацию рынков от социального регулирования как естественный процесс. Рыночные механизмы преподносятся как идеальный инструмент управления социальным воспроизводством.

В цифровом нарративе современная рыночная нестабильность, изменчи-

вость и хаос интерпретируются как проявления сетевой природы рынков, функционирующих на основе стихийного порядка.

Современный цифровой дискурс провозглашает гибкость ключевым принципом функционирования сетевого общества и рынка. Это понятие раскрывается через две взаимосвязанные трактовки: реактивную и проактивную. Реактивная гибкость понимается как механизм выживания в условиях хаотичной рыночной среды, позволяющий отдельным участникам сети — работникам, компаниям, государствам — адаптироваться к постоянной изменчивости. В проактивном же смысле гибкость представляется как позитивная возможность для самореализации, открывающая простор для профессионального и творческого развития, расширяющая личную свободу выбора.

Согласно этому дискурсу, текущая экономическая нестабильность становится перманентным состоянием — то, что раньше считалось временными «переменами», теперь превратилось в постоянную «изменчивость».

Цифровой нарратив предполагает, что сетевая экономика по своей природе более турбулентна, чем индустриальная. Однако в такой трактовке упускается важный аспект: стабильность индустриальной эпохи была не просто следствием иной экономической модели, а результатом целенаправленных политических решений и социальных барьеров, создававшихся государствами. Именно достижение стабильности через ограничение рыночной стихии и хаоса составляло суть проектов социальных демократий, что остается за рамками современного технологического дискурса.

По результатам проведенного исследования в заключение отметим, что цифровой дискурс выполняет ключевую идеологическую функцию в современном капитализме, легитимируя его неолиберальную фазу через «технологическую рамку», он представляет структурные сдвиги (гибкость, дерегуляция, глобализация) как естественные и технически обусловленные, что ведет к их деполитизации и восприятию как неизбежных. Дискурс обладает двойственной природой: с одной стороны, он апеллирует к ценностям индивидуальной свободы и творчества, обещая смягчить отчуждение, а с другой — маскирует усиление социального неравенства, нестабильности и новый механизм властных отношений в обществе. «Дух сетей» в условиях цифровизации и искусственного интеллекта становится центральным элементом политической культуры современного общества, обеспечивая символическое закрепление новой констелляции власти, опасность которой заключается в том, что капитал обретает автономию как от труда, так и от государства.

Список литературы

Бауман З. 2019. *Ретротопия* (пер. с англ. Л.М. Силаевой). М.: Изд-во ВЦИОМ. 157 с.

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма* (пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина). М.: Новое литературное обозрение. 976 с.

Вебер М. 2023. Первая антикритика на «Дух капитализма». — *Социологическое обозрение*. Т. 22. № 2. С. 85-107. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-2-85-107. EDN MSUJDE.

Дзарасов Р.С. 2024. Освальд Шпенглер и «закат капитализма». — *Вопросы политической экономии*. № 2. С. 46-59. DOI: 10.5281/zenodo.12622292. EDN EOTMMP.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация*. СПб: Алетейя. 320 с.

Фишман Л.Г. 2020. Пугающий дух и его медиумы (актуальна ли «Протестантская этика» в XXI в.?). — *Журнал институциональных исследо-*

ваний. Т. 12. № 1. С. 84-99. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.084-099. EDN ULUMHW.

Хабермас Ю. 2006. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, цен и теорий. — *Социологические исследования*. № 1. С. 45-53.

Best S., Kellner D. 2000. Kevin Kelly's Complexity Theory: The Politics and Ideology of Self-organizing Systems. — *Democracy and Nature*. Vol. 6. No. 3. P. 375-00.

Bourdieu P. 1998. The Essence of Neoliberalism. — *Le Monde Diplomatique*. December.

Chouliaraki L., Fairclough N. 1999. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press. viii+168 p.

Feenberg A. 1995. Subversive Rationalization: Technology, Power, and Democracy. — *Technology and the Politics of Knowledge* (ed. by A. Feenberg, A. Hannay). Indianapolis, IN: Indiana University Press. P. 3-22.

Frank T. 2000. *One Market under God: Extreme Capitalism, Market Populism, and the End of Economic Democracy*. N.Y.: Anchor Books. 432 p.

Friedman T.L. 2000. *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux. 469 p.

Harvey D. 2005. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press. 247 p.

Heffernan N. 2000. *Capital, Class, & Technology in Contemporary American Culture: Projecting Post-Fordism*. London: Pluto Press. 256 p.

Robins K., Webster F. 1985. *Information Technology: A Luddite Analysis*. Norwood, NJ: Ablex. x+387 p.

Segal H. 1994. *Future Imperfect: The Mixed Blessings of Technology in America*. Amherst, MA: The University of Massachusetts Press. 242 p.

Sennet R. 2006. *The Culture of the New Capitalism*. New Haven, CT: Yale University Press. 214 p.

Sturken M., Thomas D. 2004. Introduction: Technological Visions and the Rhetoric of the New. — *Technological Visions: The Hopes and Fears that Shape New Technologies* (ed. by M. Sturken, D. Thomas, S.J. Ball-Rokeach). Philadelphia: Temple University Press.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* (ed. by R. Guenther, C. Wittich). Berkeley: University of California Press. cx+ 640 p.

Webster F. 2005. Making Sense of the Information Age: Sociology and Cultural Studies. — *Information, Communication & Society*. Vol. 8. Is. 4. P. 439-458.

SERAVIN Aleksandr Igorevich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Researcher at the Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint Petersburg, Russia, 199034; electoral.politic@gmail.com)

TECHNOLOGY AS IDEOLOGY: WHO AND WHY CONSTRUCTS THE «SPIRIT OF NETWORKS»?

Abstract. *The aim of this study is to analyze digital discourse as a new ideological form that legitimizes the structural transformations of capitalism in its post-industrial, networked stage critically. The objectives of the study are to uncover the ideological foundations of digital discourse and its role in legitimizing the neoliberal power constellation; to analyze the transformation of technological discourse from modernity to postmodernity and its connection to the shift in the «spirit of capitalism»; identifying key themes and characteristics of digital discourse (flexibility, decentralization, self-regulation) and their dual social meaning. The research methods are based on approaches from critical social theory and discourse analysis. The paper applies critical discourse analysis to examine public narratives about network technologies as a social practice, ideological critique to reveal the mechanisms by which technological discourse masks relations of power and domination, and comparative historical analysis to compare the technological discourse of the industrial and post-industrial eras. The novelty of the study lies in the synthesis of critical capitalism theory (Bourdieu, Habermas, Bauman) with an analysis of specific linguistic practices of the digital age. The article offers a holistic view of digital discourse not as a simple description of technological change, but as an active factor in socio-economic transformation, revealing its key role in justifying the transition from social democracy to neoliberalism. The author introduces and substantiates the concept of the spirit of networks as a new legitimizing formula for capitalism.*

Keywords: *digital discourse, network technologies, ideology, legitimation, network capitalism, post-industrial society*